

Перед глазами всплыла отрезанная голова Добби, отчего я вжал голову в плечи и скривился.

— Джинни не плохая, но... — начала Луна. — Она влюблена в Гарри Поттера. Ей могло не понравиться то, что ты его преследуешь, Колин.

— Женская ревность, — с понимающим видом покивал брат. — Рыжая дура! Наверняка насочиняла про артефакт. Её даже не наказали, а ведь она чуть не убила Колина.

— Деннис, на самом деле такие артефакты существуют, — сказала Луна, словно защищая бывшую подругу. — Проклятые вещи могут заставить волшебника совершать странные поступки. Хотя им можно противостоять, как сильным мозгошмыгам. Но нарклы предпочитают не сопротивляться мозгошмыгам.

— Колин, переведи, — посмотрел на меня брат.

— Луна говорит, что Окклюменцию надо учить. У нас в палатке была книга по базовым навыкам защиты сознания. Ну и сильная воля, вероятно, может помочь противостоять внушению.

— Но есть очень сильные артефакты, от которых без специальной подготовки невозможно защититься, — добавила Луна.

В дверном проёме купе оказалась знакомая личность — это была Ребекка Тёрнер. Она была одета в тёмно-коричневое платье длиной до щиколоток, поверх которого была накинута школьная мантия.

— Привет, народ! — радостно воскликнула она.

— Бекки, привет! — радостно махнул я ей. — Заходи.

— Привет, — кивнул ей Деннис.

— Здравствуй, Ребекка, — произнесла Лавгуд.

— Ох, Луна, потрясающий наряд! — сказала Тёрнер, присаживаясь рядом с Лавгуд. — Ты такая смелая...

— Это школьная форма японских девочек-волшебниц, — невозмутимо ответила Лавгуд.

— Потрясающе! — с восторгом провозгласила Тёрнер. — Такая короткая юбка, всего лишь до колена. Очень смело, не то, что наше убожество — эти древние мантии навевают на меня грусть. А как ты придумала такую шикарную причёску?

— Я её скопировала с причёски японской волшебницы, — ответила Луна.

— Народ, у меня было невероятное лето, — начала рассказывать Тёрнер. — Мама отвезла меня к бабушке в деревню... Да что там рассказывать? Я лучше покажу! Под это дело я одолжила у мамы Думосброс.

— Что? — переспросил Деннис.

— Артефакт такой, в котором можно посмотреть воспоминания, — пояснила пуффендуйка. — Мама разрешила на время взять наш домашний Думосброс и помогла мне извлечь воспоминания.

Ребекка из сумки с расширенным пространством извлекла небольшую бронзовую чашу исписанную рунами.

— К сожалению, у нас одноместный Думосброс, — стеснительно поведала Тёрнер. — Я обещала маме завтра же отправить его домой совой, поэтому лучше посмотрите сейчас.

Она достала из кармана флакон, внутри которого переливался серебристый туман, после чего откупорила его и слила туманную жидкость в чашу.

— Что делать надо? — спросил я.

— Надо поместить голову в чашу, — ответила Ребекка.

— Можно, я попробую первым?

— Конечно, Колин, — согласилась пуффендуйка и положила чашу на сиденье между мной и братом.

Я наклонился и окунул голову в серебристый туман.

В кресле-качалке восседала сурового вида бабушка. Она прожигала меня строгим взглядом.

— Иди, заруби гуся! — было сказано тоном, не подразумевающим отказа.

Казалось, будто со мной говорит не бабуля, а дон Карлеоне, фильм о котором мы недавно смотрели, когда я гостила у Лизы Купер.

Ладно. Ничего, что я такого никогда не делала. Ничего, что мне всего тринадцать лет. Перечить бабушке — это что-то за гранью разумного. Только и надо, что какого-то гуся убить! Только какого? Их тут десяток. Может, самого захудалого? Его не жалко... Да нет! Ну, сколько мяса с него получится? Хм... Пусть будет вон тот, самый толстенный!

Итак, как убить гуся? Я же этого никогда не делала... Топором рубить шею — это как-то слишком жестоко. Я же не средневековый палач, который выносит смертный приговор: «Товарищ гусь, за чрезмерную полноту вы приговариваетесь к казни посредством перерубания шеи для последующего отправления в суп!».

Нет! Просто так шею рубить — это же кровищи будет море, страшно... Может, его доской по башке тукнуть? А что, я его по голове дрыном, гусь отключится и не почувствует, как я ему шею перерублю. Умрёт без боли во сне, дёргаться не будет. Да, пожалуй, так и сделаю.

Двор подвергся тщательному исследованию. Была найдена штакетина от забора и топор. Я пошла ловить гуся. Я кралась, словно самый лучший хищник, но... Птица была настолько ручная, что даже не убежала, она стояла на месте и спокойно клевала отруби в кормушке. Я половчее перехватила палку, размахнулась и со всей дури ударила ею по башке гуся...

— ГА-А-А-А! — дико завизжал гусь.

Во время удара я зажмурила глаза. Когда распахнула очи, то обнаружила, что доска никак не идёт назад. Оказалось, что на её конце торчал гвоздь. Этот гвоздь воткнулся гуся прямо в глаз. Я дёрнула доску назад, глаз у птицы вырвало, окровавленный, противный ошмёток глаза свисал с правой стороны головы птицы. Гусь дико заверещал и рванул вперёд.

Я на секунду застыла в ступоре, зрелище было жуткое, в голове проносились мысли о том, как бабушка меня ругает за то, что не смогла убить гуся. Мотнув головой, я покрепче перехватила дрын, левой рукой покрепче сжала рукоять топора, после чего рванула вслед за гусём.

— Стой, гад! — заорала я.

Гусь, сволочь такая, даже не думал останавливаться. Он бежал, как гоночная метла на чемпионате мира по квиддичу, ещё и петлял, гадина такая! Я метнула в него штакетину наподобие копья. Что интересно, целилась не особо хорошо, но попала прямо под хвост и сбила птицу с ног.

— Страйк! — радостно закричала я и накинулась на гуся.

Крепко прижав тушку птицы к телу, я подошла к пеньку. Пенёк был широким, он словно был предназначен специально для казни строптивых гусей. Птица постоянно пыталась вырваться, но я держала её очень крепко.

Положив гуся головой на пенёк, я взяла в правую руку топор, а левой придавила тушу птицы.

Ох, Мерлин! Я же не могу ударить топором живое существо...

— А-а-а-а! — заорала я.

Зажмурив глаза, я со всей дури рубанула топором. Раздался глухой звук удара, и топор застрял в полене. Мне было страшно открывать глаза.

— ГА-А-А-А-А-А-А-А-А! — совсем уж дико заверещал гусь.

Как так? Он же должен был умереть! Я же целилась прямо в голову. Не может же он так жутко верещать без головы...

Я решилась и открыла глаза. Голова гуся была на месте, но... Грёбанный клюв был отрублен топором почти под самый корень!!!

От такого зрелища я опешила и отпустила тушку гуся. Эта недобитая сволочь со всех лап рванула по огороду. Долбанный птичий инфернал: без клюва, из правой глазницы на ниточке свисает окровавленный ошмётток глаза, в жопе недостаёт нескольких перьев...

Но из-за боли гусь был не столь резв, как вначале, его дико штормило. Я же изначально приготовила ведро кипятка, чтобы ошпарить перья с тушки. Оно как раз стояло возле пенька. Поэтому решила добить гуся. Я схватила ведро и от души ливанула кипятком на беглую птицу. Почти вся горячая вода досталась беглецу...

Вместо того чтобы нормально подохнуть, как полагается обычному гусю, у этой сволочи только прибавилось прыти.

— Стой, тварь! — заорала я.

Вырвав из пенька топор, я со всех ног рванула за дико верещающим гусем. Эта inferнальная тварь бежала по прямой с невероятной скоростью, при этом на бегу издавала жуткие звуки, от которых в жилах стыла кровь.

Гусь метался по участку бабули подобно метеору, но через пару минут бега я загнала птицу в угол.

— Га-га-га-а-а! — испуганно заверещала птица, развернувшись и увидев меня.

В этот момент я выглядела «прекрасно»... На лице жуткий оскал, в руке сжимаю топор, волосы всклочены, тяжело дышу, глаза безумно блестят. Окажись здесь и сейчас главный злодей магической Британии, Лорд Воландеморт, он бы тут же написал бы явку с повинной в аврорат. Ну, а гусь... Он развернулся и рванул сквозь забор. Только обезумевшая от ужаса птица не учла, что её задница намного шире головы. В итоге такого манёвра голова гуся застряла между штакетинами забора.

Вот оно! — подумала я. — Надо рубить, пока голова птицы застряла между штакетин.

Пока я примеривалась топором к шее птицы, гусь дико верещал и дёргался. В итоге очередной рывок для него оказался фатальным. Гусь дёрнулся настолько сильно, что его голова оторвалась сама собой, без моего участия...

— Внучка, я просила тебя убить гуся, а не довести до самоубийства! — раздался саркастичный голос бабушки за спиной.

— Потрясающе... Ребекка, культурно отдыхать умеешь... — выдавил я из себя, вынув голову из чаши. — Может, следующим летом приедешь к нам на ферму? У нас можно забить козу или корову...

— Да ну тебя! — покраснела Ребекка. — Этот гусь у меня теперь в печёнках сидит! Я целый месяц на мясо смотреть не могла...

— Я тоже хочу посмотреть, — сгорал от любопытства Деннис.

— Валяй, — вяло махнула рукой Тёрнер.

Брат погрузил голову в Думосброс и завис на несколько минут. Вскоре он вынырнул из серебристого тумана и смотрел на мир огромными и ясными глазами человека видевшего всё.

— Ребекка, до нашего креативного соседа тебе не так уж и далеко осталось, — произнёс он.

Следующей была Луна. Она после просмотра воспоминаний Ребекки выглядела отрешённой и одновременно грустной.

— Луна, ты чего? — обеспокоенно спросил я.

— Птичку жалко... — печально вздохнула она.

— Так, народ, — подхватила Думосброс Ребекка. — Я пошла искать Лизу. Не покрываетесь плесенью.

<http://tl.rulate.ru/book/98776/3397354>